

Москва, 2003 —

Излучение

На этой выставке не работает мобильный телефон. «Никакой биофизики!» — говорит художник Никита Ефремовцев по дороге к Дому культуры Курчатовского института. Большой зал на втором этаже с колоннами и портьерами знаменит не только пропиской в самом «атомном» районе Москвы. Стены помнят лирические излучения физиков 60-х.

А в энергетическом поле района остались воспоминания о свинцовых перекрытиях в 6-й клинической больнице: так защищались от радиации, которую привозили с собой пациенты — ликвидаторы чернобыльской аварии. Жена художника проходила в этой больнице аспирантскую практику. И московское эхо трагедии, накрывшей тяжелой ладонью безоблачный пейзаж в Строгине, стало сюжетом одной из метафизических картин.

А начиналось все совсем с других пейзажей. Никита Николаевич Ефремовцев — человек науки, всю жизнь занимается изучением горного дела. Молодых ученых отправляли в командировки на Вологодчину. Коллег увлекали костры с гитарой, а Ефремовцева — «мощная энергетика» Онежского озера и пологих берегов речки Вытегры. Близ поселка Волковичи он написал разрушенную церковь, в которой устраивалась на ночлег знакомая лошадь Сашка. С названием этюда родился неологизм «земля волкобичей»: «Если люди не веруют, то живут без дома». Вслед за покосившейся церковью рассыпалась страна. Появились работы «Мутация пространства» и «Таяние красного знамени» — абстрактные образы окаянных дней новейшей отечественной истории. Тревожный врубелевский взгляд, обращенный в космос, — размышление о пределах познания и течении времени. Переполненная водой чаша человеческих ладоней и зыбкий храм на речной глади — об извечном поиске равновесия. Одну аллегорию, написанную с натуры, — с застывшим омутом, рвущейся на ветру красной рубахой и «столбом, который хотелось написать, как распятие» — друзья-эмигранты увезли с собой как воспоминание о Родине.

Никита Ефремовцев и его РАБОТА

Ефремовцев разводит руками: «Когда у меня появлялась возможность уехать, я отправлялся на Вологду».

В июне 1991 года бродил по северной деревне и не смог пройти мимо поляны с тремя золотыми стогами — отчего-то подумалось о Троице, захотелось вернуться с этюдником. А в августе на нарисованную лужайку пришли пасть тревожные звери-обороты — сизые, как сгустки тумана. Жена Никиты Николаевича попросила снять инфернальную картину со стены: тяжело, говорит, с ней живется.

Зато портрет жены, написанный вскоре после знакомства, светится до сих пор — пленэру на берегу Москвы-реки не мешали потусторонние силы. Как и церкви Покрова на Нерли («написал за несколько часов, когда жену увезли в роддом!»), весеннему разливу в Серебряном Бору, — светлым впечатлениям, переходящим на холсте в импрессионизм. Все-таки дарование художника неотделимо от гения места. Свой московский дом — научным работникам когда-то давали жилплощадь в самом экологичном месте района, с видом на реку — Никита Николаевич называет «Альми парусами 37-го года». А мне больше нравится название улицы — Живописная.

● Олеся КАШТАНОВА